

13 ОКТЯБРЯ 1982 ГОДА.

• Встреча для вас

ОТКРЫТАЯ КНИГА

ЕГО УЗНАЮТ НА УЛИЦАХ. ВЕРНЕЕ, «УЗНАЮТ» ЧЕКИСТА ЕГОРА ШИЛОВА ИЗ ФИЛЬМА «СВОИ СРЕДИ ЧУЖИХ...», ФИЛИППКА ИЗ «ОБЪЯСНЕНИЯ В ЛЮБВИ», АНДРЕЯ ЛЬВОВА ИЗ «ОТКРЫТОЙ КНИГИ» И МАРТИНА ИДЕНА. ЕЩЕ КОМУ-ТО ОН ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ СЕРЖЕМ ВОЙНИЦЕВЫМ ИЗ «НЕОКОНЧЕННОЙ ПЬЕСЫ ДЛЯ МЕХАНИЧЕСКОГО ПИАНИНО», РОМАШКОЙ ИЗ «ДВУХ КАПИТАНОВ» ИЛИ ШТОЛЬЦЕМ ИЗ «НЕСКОЛЬКИХ ДНЕЙ ИЗ ЖИЗНИ И. И. ОБЛОМОВА»... ЧТО Ж, ЗА ДЕСЯТЬ ЛЕТ РАБОТЫ В КИНО, ТЕАТРЕ, НА ТЕЛЕВИДЕНИИ ЮРИЕМ БОГАТЫРЕВЫМ СОЗДАНО МНОГО РАЗНОПЛАНОВЫХ ОБРАЗОВ.

ВОТ УЖЕ ШЕСТОЙ ГОД ОН РАБОТАЕТ В ТРУППЕ ПРОСЛАВЛЕННОГО КОЛЛЕКТИВА МХАТ ИМ. ГОРЬКОГО. С ЭТОГО И НАЧАЛСЯ НАШ РАЗГОВОР С ЗАСЛУЖЕННЫМ АРТИСТОМ РСФСР ЮРИЕМ ГЕОРГИЕВИЧЕМ БОГАТЫРЕВЫМ.

— Юрий Георгиевич, как вы чувствовали себя, играя Фурманова на алмаатинской сцене? С именем легендарного комиссара Чапаевской дивизии связана история Верного...

— Эта роль — моя первая на сцене МХАТа. Предложение главного режиссера театра Олега Николаевича Ефремова сыграть человека сильного, волевого, личность историческую я принял с интересом. События, о которых рассказывает спектакль «Мятеж», происходили в вашем городе в 1920 году. И, выходя на сцену, я неизменно ощущал пристальное, заинтересованное внимание зрительного зала, в котором, быть может, в этот самый момент находился кто-то из свидетелей, очевидцев тех легендарных лет... В такие минуты с особой отчетливостью понимаешь, как велика ответственность театра и как ответственно доверие к актеру, который говорит от имени театра, от имени истории...

— В театре вы много заняты в спектаклях классического репертуара. Это ваше пристрастие?

— Без классического репертуара актер теряет профессиональность. Мне классика дает много: это своего рода тренаж, как станок для балерины. Проработав несколько сезонов в «Современнике», я решил оставить этот театр. Дело в том, что его репертуар, основанный на современной драматургии, поднимающей часто вопросы бытового характера, перестал со временем меня волновать. Нет, мне больше по душе глубина и объемность образов классики. Зачастую проблемы в ее пьесах актуальны и сегодня. Вот, к примеру, «Тартюф» Мольера. Обратите внимание — там есть что играть, нет ограничений, которые порой связывают актера в современной пьесе. «Тартюф», поставленный режиссером Анатолием Эфросом, принес театру успех, а актерам, занятым в спектакле, — колоссальное удовлетворение. Каждое слово, каждый жест в спектакле значимы. Конечно, в этом особая заслуга режиссера, которого Ефремов специально пригласил на постановку, чтобы разнообразить репертуар МХАТа. Сейчас готовится к премьере пьеса «Живой труп» Л. Н. Толстого. Даже здесь, на гастролях, шли репетиции. Я поглощен работой над образом Каренина. Для постановки вновь приглашен Анатолий Эфрос. И это не случайность, не новый эксперимент. Наш главный режиссер заботится об авторитете театра, приглашая для постановок «хороших, но разных» режиссеров. Порой ради поддержания высокой марки МХАТа Олег Николаевич способен, образно говоря, «наступить на горло собственной песне». И это его качество вдвойне достойно уважения.

— Не прошло и года со дня премьеры «Тартюфа», где вы играете Клеанта, а уже показано около сорока спектаклей. Не боитесь ли вы штампа, когда приходится играть одну и ту же роль в театре много раз? Ведь в кино этого нет, там роль играетсся однажды — и навсегда...

— Кино — особый вид искусства, где проблемы творческие тесно увязаны с производственными. В театре все иначе: репетиции плановые, я точно знаю, что сегодня играем, в котором часу я освобожусь. И к решению образа на спектакле я подхожу постепенно. Интересно каждый раз искать что-то новое в своем герое. В «Тартюфе», играя в сороковой раз, и испытываю удовлетворение от самого процесса игры. К тому же многое зависит и от партнеров: если на тебя смотрят живые, без тени фальши, глаза, если текст не повторяется, как затверженный урок, ни о какой скуке не может быть и речи. Каждый выход на сцену для меня открытие нового, и я хочу сделать участником этого открытия тех, кто сидит в зале.

А без кино было бы все-таки трудно! Оно привлекает разнообразием ролей, разнообразием творческих ансамблей, в которых приходится работать, общением с разными, но талантливыми режиссерами, неповторимостью каждого съемочного дня.

— В последнее время в печати, в молодежных аудиториях идут горячие споры о «трудных» фильмах...

— Это вопрос непростой. Далеко не всегда фильмы высокохудожественные, глубокие по содержанию пользуются зрительской популярностью. И наоборот, такие картины, как «Чудовище», идут в переполненных залах.

Почему? Причин много, разобраться в них довольно трудно. Я считаю, что одна из них — недостаточная продуманная реклама фильмов. К примеру, многие зрители шли на «Рабую любовь», ожидая увидеть на экране душещипательную любовную мелодраму. Или вот совсем недавно в Москве, в кинотеатре «Художественный», вдруг стали показывать фильм Ильи Авербаха «Объяснение в любви», очень скромно прошедший несколько лет назад. Что это? Произошла переоценка ценностей? Зритель захотел посмотреть действительно интересный фильм? Может быть. Да и сам я спустя несколько лет после повторного просмотра «Калины красной» Шукшина со-

сем по-иному оценил ее художественные достоинства...

— Вашим «крестным отцом» в кино стал Никита Михалков. Вы снимались почти во всех его фильмах...

— Каждая работа в картинах Михалкова для меня праздник. Думаю, что и для моих коллег тоже. Я благодарен Никите Сергеевичу за то, что роли, которые он мне предлагает сыграть, никогда не похожи на предыдущие. И сам процесс работы с Михалковым очень своеобразен: он как бы исподволь, постепенно подводит актера к главному. Импровизации «зажигают» участников съемочной группы, делают всех единомышленниками. Не стремясь к диктату, Михалков тем не менее строго выражает свою мысль. Он всегда точно знает, чего хочет, и работать с ним легко и интересно. Просто его идеи становятся твоими.

— Скоро мы увидим вас в новом фильме Никиты Михалкова «Родня». Что вы можете сказать о нем?

— Вообще-то в кино я хожу не часто, однако «Родню» посмотрел несколько раз. Удивительный по жанру и стилю фильм. Взлет и падение, слезы и смех — все в едином ключе, все щедро, стремительно, динамично. Огромное значение имеют нюансы, до которых охочы авторы фильма. Каждый эпизод — это слепок жизни. Характеры колоритные, яркие — мы встречаемся с такими не каждый день. Фильм этот дорог мне еще и тем, что вновь встретился с Никитой Михалковым, режиссером-открывателем. В «Неоконченной пьесе для механического пианино», например, интеллигентность чеховская воспринимается острее, как выражение жгучей боли за соотечественников, за Россию. Таким Чехова понимает Михалков, таким он стал для нас.

— Раз уж заговорили о литературе — назовите, кто ваш любимый писатель, поэт?

— Снова повторю, что воспитан на классике. С огромным удовольствием вновь и вновь возвращаюсь к произведениям Гоголя и Чехова. Любимый поэт — Пушкин, у Лермонтова перечитываю прозу. Близок мне мир Сергея Есенина и Бориса Пастернака. Люблю стихи Анны Ахматовой. Из современной литературы меня интересует проза Юрия Трифонова, драматургия Виктора Розова, стихи Геннадия Шпаликова.

— Юрий Георгиевич, вы часто заняты в телевизионных фильмах, спектаклях. Расскажите о новых своих работах...

— Принимаю участие в создании 16-серийного фильма «Страницы жизни В. И. Ленина»: выступаю от лица Ильи Николаевича Ульянова. Все актеры, занятые здесь, играют без грима, без костюмов того времени. Мы входим в декорации дома Ульяновых и размышляем от лица того или иного героя. Сценарий написан на документальном материале, выстроен в необычном жанре — я бы назвал его «размышления вслух».

— А какие телепередачи вы, как зритель, любите смотреть?

— Я очень люблю телевизионный «Сельский час»: интерес вызывает люди, о которых рассказывают, их вкусы, то, чем они живут. Когда представляется возможность, с удовольствием смотрю фильмы прошлых лет. Занятной, импровизационной была передача «Веселые ребята», которую вел Александр Масляков.

— О ваших планах, связанных с кино...

— Я вовсе не стремлюсь сниматься как можно больше и чаще. Всегда интересно играть то, что еще не делал, что-то повернуть в предложенной роли, найти новое. По сценарию Г. Щербаковой режиссер Илья Фрэз, которого вы знаете по фильму «Чудак из 5-го «Б», «Вам и не снилось», ставит картину под условным названием «Карантин». Мне предложили в ней роль детского писателя, причем плохого писателя: У режиссера И. Мелконяна в фильме «Нежданно-негаданно» по сценарию Э. Брагинского я снимаюсь в роли Нотариуса. Но о результатах работ говорить рано.

— У некоторых зрителей сложилось мнение о вас как об исполнителе ролей «отрицательных» героев: Ромашка в «Двух капитанах», Марк в «Вечно живых»... Скажите, Юрий Георгиевич, как вы сами оцениваете своих героев?

— Очень не люблю, не признаю деления на отрицательные и положительные роли. Я стремлюсь войти в ткань любого характера, — не как прокурор, а как адвокат своих героев, пытаюсь разобраться в мотивах, которые толкают человека на совершение того или иного поступка. Понять — значит простить. Выходит, я стремлюсь оправдать героя. Зритель сам поймет, кто хорош, кто подлец, кто честен, а кто дурак. Заведомо плохого человека играть неинтересно, меня интересует внутренний мир героя, движения его души, то, из чего характер складывается. Актерское творчество, как я его понимаю, это не самовыявление, не самовыявление, а познание.

Вела интервью
Г. ЛЕОНОВА.